

Литература

1. Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. М., 1971. 463 с.
2. Ван Фан. Удивительный мир китайских иероглифов // Китай. 2012. № 4. С. 37.
3. Кургузов В.Л. Язык искусства: монография. Улан-Удэ, 1996. С. 14-16.
4. Лихачев Д.С. Культура русского народа X – XVIII вв.: монография. М., 1961.
5. Шу Кэ. Ошеломляющее открытие // Китай. 2012. № 4. С. 38-39.

УДК 796

Улан-Удэ: вектор изменений культуры повседневности (субъективный взгляд на проблему)

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40В,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
vlkurguzov@rambler.ru

Статья получена 30.07.2014, принята 17.09.2014

В статье выражена позиция автора по отношению к тем изменениям, которые произошли за полвека в культуре повседневности одного из городов Восточной Сибири – Улан-Удэ. Свой город автор воспринимает как некий живой организм, который живет по своим законам. Однако изменения в его культуре повседневности типичны для многих городов не только Сибири, но и России в целом.

Ключевые слова: культура, повседневность, праздник, город, молодежь, ночь, человек.

Ulan-Ude: vector of culture changes in everyday life (subjective view at the issue)

V.L. Kurguzov

East Siberia State University of Technology and Management, 40V Kluchevskaya St., Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russia
vlkurguzov@rambler.ru

Received 30.07.2014, accepted 17.09.2014

The article expresses an author's opinion about culture changes in everyday life of one of the Eastern Siberian cities Ulan-Ude happened for the last 50 years. The author takes his home town as a living creature with its own laws. However, these culture changes in everyday life of the city are typical for many cities and towns not only in Siberia but in Russia on the whole, too.

Keywords: culture, everyday life, holiday, city, the young, night, person.

И в каплях слез улыбается солнце
(Японская пословица)

В общественном мнении с незапамятных времен устоялся стереотип полного доверия только к объективным выводам и суждениям. Объективность любит власть, любят хозяйственные руководители, любят учителя на экзаменах, словом, все окружающие нас

люди. Субъективность и критика у нас если и вспоминается, то чаще всего, выражаясь словами Белинского, в «ругательном наклонении». При этом как-то уходит на второй план, в сущности, простая мысль, что все *объективное* первоначально рождается в чьей-то конкретной, *субъективной* голове в виде критической оценки действительности, события, факта. Затем этот субъективный вывод шлифуется, обрастает, опять же, *субъективными* мыслями других людей, результатом чего и являются на свет *объективная* реальность, *объективное* суждение о ней.

Все это приходится говорить для того, чтобы подтвердить правомочность поставленной темы данной статьи о субъективности взгляда на город Улан-Удэ и культуру повседневности его жителей. В сущности, субъективная точка зрения никого ни к чему не обязывает. К субъективности можно прислушаться, а можно отмахнуться от нее, как от назойливой мухи. Однако вряд ли стоит забывать, что в своей завершенности любое субъективное суждение может вылиться в глобальную философскую проблему взаимоотношений Личности и Общества, а между ними конфликт крайне нежелателен. Между ними желательно взаимопонимание и гармония.

Не стоит забывать и то, что так называемое «общественное мнение», как правило, дисгармонично, но вот что странно, без его учета никакая власть долго не продержится... Выходит, что от дисгармонии мыслей, галактики человеческих представлений, лоскутков чьих то отдельно взятых субъективных суждений зависят все наши поступки, стратегия и тактика наших действий, именно из них складывается вся наша жизнь, жизнь не только сегодняшняя, но и завтрашняя. Но чтобы определить ориентиры этого будущего, ворваться в него, надо оглянуться назад, оттолкнуться от прошлого и потом уже сравнить его с настоящим.

Ровно 50 лет назад – в июне 1964 года – я приехал поступать в институт и впервые сошел на перрон железнодорожного вокзала города Улан-Удэ. Здесь меня никто не ждал, у меня не было в этом городе ни родственников, ни друзей, ни даже просто знакомых... Зато на перроне меня встретила фигура забавного, улыбающегося всем пасса-

жирам медведя, не того невзрачного, который занял его место сегодня, а того, фигура которого была покрыта зеленью брусники вместо шерсти... Этот маленький штрих обыденной культуры подчеркивал самобытность города, радушие, веселый нрав и гостеприимство его жителей. Такого я нигде не встречал, поэтому маленький незначительный артефакт культуры Улан-Удэ остался в памяти навсегда.

Кто бы знал тогда, что этот город станет для меня поистине родным... Он подарил мне профессию – здесь я окончил институт культуры. В Улан-Удэ я работал на протяжении полувека и продолжаю работать сейчас, здесь я создал семью, здесь вырос мой сын и родился внук. В этом городе сложилась моя научная и творческая судьба.

Это он – мой город Улан-Удэ – наградил меня бесценным богатством. Он свел меня с выдающимися людьми современной истории Бурятии: композиторами и дирижерами, музыкантами и артистами, художниками и писателями, поэтами и учеными, спортсменами, врачами и учителями, героями войны и труда, руководителями города и республики, да и просто с рядовыми тружениками, любящими свою работу, свой дом и свой город. К сожалению, многих из тех, кого я знал, уже нет в живых, но память о них не исчезла. Она осталась в сердцах живущих, она отражена в книгах, кинофильмах, памятниках, на мемориальных досках и в музейных экспонатах, в семейных фотоальбомах. Эта память тоже стала актом нашей культуры повседневности.

Историю делают люди. Сама же история состоит из кирпичиков повседневной жизни этих творцов истории. Что представляла собой обыденная культура города Улан-Удэ полвека назад? Калейдоскоп памяти высвечивает набор самых памятных картинок культуры той поры.

Куда я мог пойти отдохнуть полвека назад в Улан-Удэ? Если бы время удалось обрратить вспять, то прежде всего я бы пошел и присел на скамейку в великолепном сквере, гармонично вписанным в пространство центральной площади города, который покрывался весной цветом черемухи и сирени. В центре сквера стоял памятник революционерам, кругом стояли скамейки. Тихо, чисто,

уютно... Если бы я проголодался, то, скорее всего, пошел бы пообедать в столь популярную среди студентов столовую в здании геологического управления или в единственную в городе позную на улице Ленина. И, уж конечно, не обошел бы сверхпопулярную среди молодежи пирожковую в гостиных рядах с вкуснейшими пирожками, которые в течение всего дня регулярно подвозили с мясокомбината. Полиэтиленовых пакетов в те времена не было, и продавец ловко заворачивал покупку в кулек из обыкновенной газеты, в который вошло бы штук 25-30 горячих пирожков. Коллективное поедание этой выпечки было своего рода ритуалом, символом студенческого братства...

Под вечер (если бы сумел) я залез бы в переполненный до неимоверности трамвай, который привез бы меня на стадион поболеть за любимую футбольную команду «Армеец» (позднее – «Селенга»). Вечером можно было бы сходить в уютное здание Русского драматического театра на улице Ленина или в театр оперы и балета. Если же меня не устроило бы ни то, ни другое, то, учитывая позывы молодости, можно было сходить в летнее время на танцплощадку в городском парке культуры и отдыха с огромным колесом обозрения или на танцплощадку в железнодорожном парке, или в парке культуры и отдыха ЛВРЗ.

В зимнее время молодежь до отказа заполняла городской каток и клуб строителей, в котором в те времена играл самый лучший эстрадный оркестр. Не пустовали и лыжные базы, расположенные на Верхней Березовке, лодочная станция в устье Уды. Всегда заполненными были и залы стареньких деревянных кинотеатров «Луч», «Восток» и «Байкал», которых сейчас уже нет. В середине 60-х годов в центре города появился кинотеатр «Прогресс», в фойе которого вечерами играл эстрадный оркестр.

Кроме кинотеатра, в этом здании расположились Дворец бракосочетания и кассы Аэрофлота. Для приехавшего в Улан-Удэ из Москвы конферансье Бориса Брунова все это тут же послужило поводом пошутить на одном из концертов. «В Улан-Удэ, – сказал он, – построили очень удобное здание, в котором можно посмотреть кино и познакомиться с девушкой, здесь же зарегистриро-

вать свой брак, а затем, купив билет на самолет... разлететься в разные края».

Центр города в те времена наполовину был застроен деревянными домами, преимущественно дореволюционной постройки. Исключение составляли, пожалуй, каменные дома на ул. Ленина, на проспекте Победы, микрорайоны ЛВРЗ, авиационного завода и др. Что представлял собой мой любимый Октябрьский район? Если встать на перекрестке улиц Бабушкина и Терешковой, то были свободно видны ворота тонкосуконного комбината. Слева и справа в песчаных дюнах стояли редкие бараки, в которых жило немало цыган. Не знаю, почему, но цыгане любили Улан-Удэ. Из самых заметных каменных зданий, пожалуй, можно назвать лишь корпуса республиканской больницы, а кирпичные общежития ВСТИ и ВСГАКИ по бульвару Карла Маркса сдали лишь осенью 1964 года, кафе «Саяны» – весной 1965 года.

Там, где сегодня находится великолепный ансамбль Русского драматического театра, стояли три одинокие сосны – и всё... Будучи студентами, мы не один год занимались зелеными насаждениями на этом бульваре. Поэтому больно было смотреть, как несколько лет назад по приказу градоначальства безжалостно вырубались, «окультуривались» достаточно высокие акации. Я вообще не понимаю, зачем в нашем городе с таким неистовством вырубают зелень, кромсают шикарные кроны тополей, если он по озеленению в расчете на душу населения во много раз отстает не только от Иркутска, но и от Читы?

Я не возражаю, кому-то, может быть, нравятся лунный ландшафт Боргойской степи, но зачем же превращать в него современный город, где число автомобилей за последние годы увеличилось в десятки раз, а показатели предельно допустимых норм загазованности в таких точках, как остановка «Геологическая» или «Элеватор», в солнечный безветренный день просто зашкаливают... В этих условиях, нам надо, наоборот, сплошным порядком засаживать неприхотливыми деревьями все наши многочисленные дюны, а не распевать песню «Эгей! Привыкли руки к топорам!..»

Об облике нашего города в обыденном

представлении говорит такой факт. Когда я получил квартиру и переехал туда с семьей в 1972 году, то знакомые спрашивали:

- Ты где получил квартиру?
- В 18-м квартале.
- А, это в районе Онохой!

Онохой – это пригородный поселок, и 18-й квартал был тогда далекой окраиной города...

Трамваи в те годы ходили только до фабрики ПОШ, а дальше надо было идти домой по колону в песке. Примечательный факт: я не один раз набирал грибов в сотне метров от своего дома, там, где сегодня располагаются основные корпуса технологического университета. А уж в районе сегодняшнего 43-го квартала в те годы был настоящий грибной рай... Сегодня из 18-го квартала до центра города можно добраться за 15 минут. Культура современного мегаполиса сократила расстояние. Правда, добраться можно только на самом быстроходном транспорте – трамвае. На автотранспорте надо ездить тому, кто имеет желание вздремнуть. Автомобильные пробки предоставляют такую возможность. Борьба же новых транспортных развязок с пробками продолжается, и явно не в пользу первых.

Вспоминая облик Улан-Удэ полувековой давности, нельзя не вспомнить шумную, никак не обустроенную барахолку в районе Стрелки, бесконечно дребезжащие, тихоходные и страшно холодные зимой трамваи и городской центральный рынок, где на широких дощатых прилавках из грубо оструганных досок ворохами лежали свежемороженый омуль, мясо коров, свиней и овец, кедровые орехи и свежемороженая ягода.

Когда вспоминаешь картину прошлого Улан-Удэ, становится понятен тот рывок, который сделал город за последние полвека своей истории. Но этот рывок ощущается не только и не столько в появлении новых жилых кварталов, новых улиц и площадей, новых средств коммуникации, новых предприятий,строек и учреждений. Он ощущается и в очевидных потерях.

Где сегодня былая слава приборостроительного завода или завода «Теплоприбор»? Куда исчез завод «Электромашина», продукцию которого (асинхронные двигатели) покупали не только страны Азии, но даже голландцы, испанцы и французы? Куда исчезли

тонкосуконный комбинат и стекольный завод, продукция которых расходилась, как горячие пирожки? Куда подевалась фабрика верхнего трикотажа, на которую я, будучи секретарем Октябрьского райкома партии, водил в свое время иностранцев, всегда восхищавшихся техническим оснащением, условиями труда и быта работающих?

Все перечисленное выше, наверно, можно как-то объяснить. Однако меня как профессионального культуролога в данном случае интересует не столько «базис», сколько «надстройка», более скрытые перемены в судьбе улан-удэнцев, отразившиеся в кардинальных изменениях их *культуры повседневности*, которая, в конечном счете, привела за последние полвека к существенным изменениям их менталитета. При этом я не стану претендовать на всеобщий охват феномена *культуры повседневности*, а намерен рассмотреть лишь *некоторые* тенденции ее развития в Улан-Удэ. Не стану я и давать им оценку, ибо она вряд ли будет однозначна для всех горожан.

Начну, пожалуй, с того, что повседневность человека XXI века есть результат интерференции (усиления влияния) двух реальностей: *действительной* и *виртуальной*. Именно из их сложного наложения друг на друга возникает особый способ проживания нами будней, которые сегодня все меньше и меньше ощущаются, как будни, а утверждаются, как *праздник* жизни.

Посмотрите и послушайте сегодняшнюю теле- и радиорекламу, посмотрите на огромные рекламные щиты в нашем городе, сотни растяжек и баннеров, тысячи плакатиков и наклеек на столбах, заборах, на специальных щитах, дверях и стенах магазинов. Все они содержат новую концептуальную метафору: «Жизнь – не столько труд, и даже не столько театр или спорт. Жизнь – это праздник». Даже на простой этикетке пива «Клинское» – короткое резюме: «Будней – не будет!» И это, хотим мы того или нет, провозглашается как жизненная стратегия. Что там дети, которым мы с укоризной говорим: «Вам бы только бездельничать...» В этой «стратегии» уже утонули мы – взрослые люди. Это стало повседневностью нашего бытия.

Сегодня сотни маленьких праздников (даже в будни) ждут нас на улицах нашего

города: «Ах, какими по-западному ослепительными стали витрины наших магазинов! – говорим мы. – Ах, какие сногшибательные скидки в “Титане” или в “Абсолюте!”». От цифр и процентов, нарисованных в витринах магазинов и кафе, парикмахерских и аптеках, ресторанах и банях, просто рябит в глазах. Зайдите сегодня в большой улан-удэнский магазин. В каждом из них – свой праздник, на который, как на среднеазиатскую или кавказскую свадьбу, может и должен зайти каждый прохожий. Молоденькие милостивые продавщицы тут же с почти незаметной казенностью любезно спрашивают вошедшего: «Вам помочь?». Ну, как тут не ощутить себя виновником торжества?

Мне, например, как и другим прохожим, только за последние годы вручили на улице десяток пригласительных билетов. Нас в качестве гостей зовут на праздничную тусовку – в новый магазин, кафе, ресторан, парк, стадион или в офис фирмы на ее двух-, трех-, пяти- и так далее -летие. Однажды, года три назад, на местном Арбате мне вручили приглашение на «праздник красоты» в парфюмерный салон, где, как было написано, «вас ждут новинки каталога, презентация ароматов, макияж, интересные подробности из мира красоты, а также ПОДАРКИ (это слово было выделено большими жирными буквами. – В. К.), улыбки и хорошее настроение». Одним словом, приглашение, как на светский раут, но вход абсолютно свободный.

Повторюсь еще раз: я не даю здесь оценку всему происходящему, пусть это сделает каждый сам за себя. Я лишь констатирую тенденции изменения *культуры повседневности* в моем городе Улан-Удэ. Наверное, такие походы в магазин все же лучше, чем бесконечные поиски дефицита в наших советских буднях, но что-то нас, особенно людей моего поколения, все равно тревожит. Наверно, тревожит отсутствие хорошо нам знакомой романтики, пафоса *труда*, его роли в становлении человека и расцвета государства...

Давайте сегодня спросим любого молодого постсоветского человека, какие он знает современные песни о человеке труда, человеке-созидателе, человеке-творце? Боюсь, что вопрос этот повиснет в воздухе... Таких песен, просто, нет. И никакого Баскова кала-

чом не заманишь в студию для записи песен «Эго-гей, привыкли руки к топорам!..» или «А мы монтажники-высотники!..» Между тем, песня, как говорят, душа народа! Ну, а если нет песен?..

Полярный пример – культура повседневности советского прошлого.

В былые времена родственники и друзья приходили друг к другу в гости, садились за праздничный стол и... пели песни о шахтерах, сталеварах, целинниках, строителях гидростанций и БАМа, учителях и врачах, даже об официантке Танечке, с которой «случай был такой...» Взрослые пели, дети слушали, подпевали... И, само собой, становились со временем и шахтерами, и сталеварами. Так формировались трудовые семейные династии, так зарождался облик нашей повседневной культуры – облик пропаганды труда, творчества и созидания на благо своей Родины, на благо своей семьи и самого себя. При этом никто не забывал слов советской песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе...». А это и есть патриотизм чистой воды! Это и есть коллективизм! Это и есть гражданственность, так необходимая современной России.

В новой постсоветской реальности обыватель становится вечным именинником: чуть ли не каждый магазин предлагает посетителям подарки или дегустацию. Да и сам процесс покупки сегодня – не просто поход в магазин, а *шопинг*, который реклама уже назвала «*праздник*». Любопытно, что такая лексическая трансформация привносит в понятие праздника с одной стороны отсылки к англо-американской культуре, а с другой стороны превращает праздник в процесс, который длится, длится и длится...

Конечно, такого рода «*праздник*» не может проходить в декорациях маленького местного магазинчика где-нибудь в районе Заудинской церкви или на Лысой горе. Для этого нужны гигантские пространства и лабиринты супермаркетов, поглощающие человека целиком на несколько часов или даже на весь день, как и положено в рамках настоящего веселого праздника.

У нас в Улан-Удэ уже появились магазины, переходы в которых измеряются километрами. Разноцветье витрин, бесшумные лифты, оживленная суэта покупателей, му-

зыка – все это создает впечатление огромной вечеринки, этакое парада состоятельных людей. Улыбчивые продавцы-консультанты любезно играют роль метрдотелей. Пришедших на шопинговый праздник угощают вином, конфетами, кофе или блинами, позами на организованных прямо в магазине дегустациях. Посетитель чувствует себя в центре внимания, деперсонифицированная реклама воспринимается, как личное обращение: «Только для Вас!», «Вы этого достойны!», «Вы это заслужили!» и т. д. и т. п. Я много раз убеждался в том, что уже никто из моих сограждан почти не ощущает, что все вещи и услуги, оказываемые этим заведением, он *покупает за собственные деньги*. Однако все выглядит, как дар, красивый, ценный и полезный. Так культура повседневности очертила очередной свой зигзаг.

Ради объективности надо все же сказать, что покупателю иногда действительно что-нибудь вручат бесплатно: какой-нибудь чехол, красочный каталог или, на худой конец, фирменный пластиковый пакет. В редких случаях могут подарить вторую пару обуви, если вы купили первую, или пылесос в придачу к холодильнику. Но самое главное – совершенно бесплатно покупатель становится участником реалити-шоу, где его соблазняют на каждом шагу: кафе, кинотеатр, развлекательный центр, каток, турбюро, банк, баня-сауна и т. д. А какие многообещающие предложения о продажах приходят к нам в SMS-сообщениях (хотя мы их вовсе не заказывали)!

Вполне понятно, что культура повседневности современного Улан-Удэ в оценках горожан далеко не однозначна, и у каждого из нас есть своя шкала этих оценок. Однако, отдавая должное всему, что уже сделано, нельзя обойти молчанием и то, что вызывает у нас недоумение, а может быть, даже порицание.

Сегодня шопинг не только в нашем городе, а практически во всех городах России предстает уже не просто как праздник, а как пылкая любовная страсть, своего рода либидо. Это подтверждает тот факт, что, будучи год назад в командировке в Санкт-Петербурге, я зашел в местный гипермаркет «Мега» и увидел подтверждение этой страсти в виде большой растяжки-плаката: «От-

дайся шопингу!»). Сексуальный подтекст очевиден.

И в самом деле, как отмечают западные психологи, для значительного числа горожан, ощущающих одиночество большого города, шопинг выполняет заместительные функции любви и социальной реализации. Покупка «себе любимому» становится знаком объяснения в любви и собственного одобрения своего уровня жизни. Но вряд ли стоит забывать, что крайняя степень шопинга превращается в манию.

Охота за скидками и распродажам у некоторых покупателей перерастает в настоящую психическую болезнь. Например, американский психолог Л. Коран признает «импульсивный шопинг» в качестве ментальной патологии. Английский психиатр Х. Диттмар уверен, что шопинг является расстройством психики, «не менее серьезным, чем табакокурение и алкоголизм». В США уже предпринимаются попытки лечить шопинг-зависимость с помощью антидепрессантов [1].

Обратная сторона многочасового «праздника» – стресс и усталость из-за трудности выбора из пестрого разнообразия однообразных товаров. Это удовольствие длится до изнеможения, как в парилке русской бани. Мне кажется, не за горами то время, когда мы будем говорить друг другу не только «С легким паром!», но и «С легким шопингом!»

Как-то мы с женой оказались в одном супермаркете в центре Улан-Удэ. Оказалось, что выйти из лабиринта этого супермаркета не так просто, как зайти. Мне представляется, что пространство большинства подобных торговых заведений недемократично и даже тоталитарно замкнуто по своей структуре. Единственный выход из лабиринта шопинговых удовольствий заставляет посетителя пройти практически по всему лабиринту. В некоторых случаях движение превращается в броуновское безнадежное блуждание в фантастически искривленном пространстве.

Я полагаю, что чаще всего такой маршрут задан с вполне определенной целью – вести посетителя единственно «верной дорогой», не позволяя никоим образом ее сократить и вырваться на волю раньше, чем задумано хитроумными правилами игры в лабиринт для показа всего «товара лицом». Интересно,

что российские, еще дореволюционные торговые ряды и пассажи, советские ЦУМ и «Детский мир» в Москве, все большие магазины в Улан-Удэ или в Иркутске, скромные по сегодняшним меркам, в этом отношении представляли собой полную противоположность современным торговым пространствам. Они имели принципиально разомкнутую, открытую структуру с несколькими входами-выходами, к сожалению, чаще всего закрытыми, но это уже другая история.

Если традиционный улан-удэнский магазинчик еще два десятка лет назад мог быть описан социокультурной метафорой «торговая точка», «лавка», «кладовая», «дом», то супермаркет – это «город-государство», в котором есть все: от аптеки, центра связи и банка, турбюро и парикмахерской до автостоянки, выставочного центра и даже гостиницы. Если в местную кондитерскую, уцелевшую в центре города еще с советских времен, можно было попасть, выбежав «на минутку», то попасть в супермаркет таким же порядком не удастся. Это даже не поход, а специальная поездка, которая представляет собой процедуру ритуализации повседневной культуры современного горожанина. К этому «культпоходу» мы сегодня готовимся заранее.

Американский социолог Дж. Твитчер прав, когда в своей книге с примечательным названием «Введи нас во искушение» указывает на псевдорелигиозную сущность современного торгового центра: «Раньше по воскресеньям люди ходили в церковь, – пишет он, – а сейчас спешат в супермаркет причаститься шопингу» [2].

Сегодня праздник в пространстве Улан-Удэ, как и в других городах России, почти не прекращается. Благодаря силе инерции, присутствующей культуре повседневности, многие праздничные плакаты в витринах небольших палаток и даже магазинов остаются висеть очень надолго, если не навсегда. «С праздником!» – с вечным праздником поздравляют горожан слегка выцветшие плакаты.

Скоро мы будем встречать новый 2015-й год. Уже за месяц до этого на заборах и в витринах появятся изображения елок, Деда Мороза, забавных зверушек... Однако я убежден, что рисованная русская тройка, скачущая по заснеженным просторам, будет

украшать витрины наших магазинов вплоть до майских праздников, а может быть, и до следующего Нового года.

Вообще, если верить веселым парням и девушкам с Арбата (так народ теперь называет улицу Ленина в Улан-Удэ), то Новый год в нашем городе начинается с середины октября и длится как минимум до 8 Марта. Даже сейчас, уже зимой, в витринах красуются плакаты девушек в русских сарафанах, оставшиеся с летнего праздника города. И вообще, как мне кажется, сегодня можно праздновать не только Новый год, но и Новый день, а еще лучше – Каждый Новый день. Можно праздновать что угодно и когда угодно: к услугам улан-удэнцев сегодня огромное количество небольших кафешек, закусовых, ресторанчиков, многие из которых закрываются далеко за полночь или вообще не закрываются никогда.

В нашей домашней повседневности, сотканной из захватывающих ТВ-сериалов, красивых и забавных роликов и современной бытовой техники, самая обыденная жизнь раскрашивается праздничными красками рекламных сюжетов, в которой рекламные герои так и излучают бесконечную радость и любовь к жизни, но только к жизни праздничной и праздной [3].

«Мы работаем – Вы отдыхаете!», – гласит рекламный слоган в одном из ресторанов на Верхней Березовке. Главный императив новой виртуальной реальности «хватит работать – пора отдыхать» может прочитать каждый, зайдя в гастроном и посмотрев на наклейку на бутылке пива «Хольстен». Как видим, здесь нам не только выписывается медицинское заключение, но и дается «направление» на оздоровление и отдых.

Действительно, в отличие от реальной жизни, в «параллельном» рекламном мире практически никто не работает. Посмотрите сегодня телевизионную рекламу. Работа в ней лишь подразумевается благодаря антуражу из компьютеров и офисной мебели. Чем занимаются там эти «белые воротнички» и занимаются ли вообще, никому не известно. Ну, о чем может думать сегодня женщина на работе? Не о стирке же... Ее думы посвящены семейному отдыху на море, о котором ей так красочно сообщила телереклама стирального порошка «Lenor».

Примечателен тот факт, что работой в рекламном мире занимаются исключительно специалисты в сфере услуг: продавцы, официанты, стоматологи и косметологи, фотографы на свадьбах, т. е. как раз те люди, которые и обеспечивают этот праздник сытости и красоты. Я внимательно пересмотрел рекламу и не нашел решительно ничего о пропаганде нормального повседневного труда россиян и улан-удэнцев в частности.

Повседневная реклама такова: асфальтовый каток, машина для чистки льда на дорогах опять же отсылают нас в праздник, напоминая нам, как хорошо мчаться по хорошей дороге или играть в хоккей. Мощные экскаваторы на экране используют для игры металлическими бочками, подобно волейболу. Строителей не показывают вообще. Элитные жилые комплексы сразу красуются в готовом виде. Праздник! Как в сказке – они возникли сами по себе.

К сожалению, точно в таком же ключе работает и наше улан-удэнское телевидение. В его сюжетах почти нет труда, точнее сказать, людей в процессе труда, за исключением, может быть, только редких эпизодов из сельской жизни или сюжетов, посвященных труду дачных огородников. Наше телевидение любит показывать лишь руководителей республики в белых халатах, на открытии какого-нибудь свинокомплекса. А кто его проектировал, как он строился, кто его строил – эти вопросы остаются за кадром. Нужен праздник – мы вам его и покажем!

Вообще, для современной культуры повседневности показывать и рассказывать о физическом труде – неприлично. Вот и слесарь ЖЭКа из рекламы центрального телевидения, вызванный, чтобы открыть захлопнувшуюся дверь, даже не собирается выполнять свою профессиональную работу, а только дарит замерзшему жильцу... леденец от кашля, и тот с искренним удивлением принимает это презент. О работе говорят лишь в контексте тех неудобств, который она привносит в чистый и опрятный быт.

Например, показывают грязный воротничок или пятна на одежде. При этом стирка – это сегодня не труд, а снова праздник, – конечно, если вы пользуетесь двойной защитой «Tide». Да и уборка квартиры сего-

дня не труд, а праздник, сплошная радость с музыкой и танцами. В телевизионной рекламе пельменей «Равиоло» современной женщине уже не предлагают крутиться на кухне, так что молодая хозяйка крутится в паре с партнером в большом танцевальном зале. И вместо души, я бы сказал, вложенной в приготовление продукта для всей семьи, ей предлагают добавить вдохновение. Что она и делает, добавляя в парящее блюдо... листочек зелени.

«Праздник живота» – это отдельная тема культуры нашей повседневности.

Сегодня, к счастью, не увидишь на прилавках наших магазинов, как было ранее, например, баранину «тощак». Для молодежи объясню, что это скелет барана, обтянутый кожей от бескормицы, которого за считанные минуты до естественной смерти зарезали и привезли в улан-удэнские магазины для продажи. Если не ошибаюсь, этот продукт стоил 1 рубль 40 копеек за килограмм. Актуальная задача сегодняшнего дня – похудеть. Посмотрите на комплекцию и цвет лица современных бомжей. Эти молодцы уж никак не напоминают жертв дистрофии, тем более узников Бухенвальда. При этом я никак не забуду – память детства! – фигуры тех реальных нищих инвалидов, которыми были заполнены улицы наших городов после войны... Это были настоящие нищие, голодные и несчастные люди.

Сегодня «праздник живота» можно устраивать хоть каждый день и даже каждый час. Как справедливо отмечает Е. В. Николаева, «все домочадцы с радостью поедают кубиковые супчики, лапшу со страшным онкологическим названием “Доширак” и прочие моментальные деликатесы типа “Ролтона”. Людям так и объясняют, что кетчуп “Кальве” – это “счастье луковое”. А как просто сделать себе удовольствие, попробовав “Mars” или “Snickers”. А разве шоколадный торт “Причуда” – не самодостаточный повод собрать друзей и соседей? Нет, совсем не пообщаться с вами, как было ранее, а просто съесть вафельный тортик» [4]. Женщины, как подчеркивала газета «Моя семья», «испытывают сладкие грезы от шоколадных батончиков “Баунти”, эротические переживания от шоколада “Karuna” или кофе “Nescafe Gold”» [5].

В пространстве культуры повседневности для мужчин тоже существуют свои чувственные удовольствия, в которых в один своеобразный коктейль смешались бритве, вожделение новой машины и прикосновение женщины. Но само большое удовольствие – это, конечно, пиво. Еще совсем недавно оно занимало прочное первенство в телевизионной рекламе. Пиво на работе и после работы, с коллегами и друзьями, в баре или просто в кресле перед телевизором. Вообще, пиво и видео в современной культуре повседневности – два удовольствия, сливающиеся в одно. Но пиво все же первично, ибо оно в телерекламе приобрело сакральный смысл, т. к. появляется из горлышка пивной бутылки («Stella Artois» или «Невское»), словно джинн из волшебного кувшина. А еще под крышками пива «Carlsberg» запечатаны удивительные подарки и приключения. Открываешь заветную бутылку – и переносишься на горнолыжный курорт, или в твоей квартире появится домашний кинотеатр.

Бонусы и лотереи предлагаются сегодня покупателям на каждом шагу. Я за последние годы был на двух-трех презентациях новых магазинов «Титан» в различных районах Улан-Удэ, и везде доминантой этих многотысячных мероприятий был розыгрыш лотереи. Многим моим землякам кажется, что отдохнуть на море или приобрести новый телевизор можно не иначе как обнаружив заветный купон под крышкой пивной бутылки или в пакетике чипсов. Все это позволяет мне полностью согласиться с социологом Д. Кларком, который сделал вывод о том, что современное человечество вступило в «фазу лотерейного общества» [6].

Как и в любом современном городе мира, пространство виртуального города Улан-Удэ сконструировано рекламой, то и дело наполняется воздушными шарами, фейерверками, клоунами, шествиями и танцами. Поэтому переживание праздника становится будничным.

В мире рекламной реальности отдых наших горожан становится все менее активным. Молодежь, конечно, пока еще танцует на дискотеках, но уже гораздо реже проявляет желание карабкаться на Хамар-Дабан или прыгать с парашютом. Все больше и больше ценится навеянное телевизионной

рекламой наслаждение покоем, может даже под теплым одеялом (клубничный творожок), тишиной (стиральная машина «Аристон»). Релаксация под душем с тонизирующим гелем. Неземное блаженство от покоя и безмятежности доставляет аромат и вкус изысканного кофе или чая, выпитого, кстати, в полном одиночестве... Сегодня любой житель Улан-Удэ может даже путешествовать по всем странам и континентам, не выходя из кухни, с помощью рекламы сухих приправ и майонеза.

Повседневные вещи тоже меняют свой статус. Они становятся не просто помощниками. Они одушевляются и общаются с нами на равных. Рекламный холодильник воспринимается как «высокий светлый друг с надежным нордическим характером». Стиральная машина дарит вам «мамину заботу». Лучшая подруга – нет, это вовсе не подруга детства, а колготочная «Golden Lady», которая знает все о ваших даже скрытых желаниях.

Социум виртуального мира животных практически ничем не отличается от человеческого. Там есть свои обыватели, богема, криминальные авторитеты. Собаки с предвкушением чудесного развлечения обсуждают начало утиной охоты. Кот сочиняет музыку, селедка видит сны и делится ими с подругами. Медведь в лесу занимается откровенным грабежом – отбирает у человека модную куртку, которую с удовольствием будет носить в своей чашобе. Крутые «парни» – тигр и крокодил – отдыхают на морском дебаркадере и опять-таки пьют пиво. Человека, случайно помешавшего их отдыху, они тут же устраняют.

Человек все чаще и чаще становится лишним в современном мире, где все уже свершается практически без его участия. Человеку, освобожденному от труда с помощью высоких технологий, остаются лишь простые биологические радости потребления. Только потребляет он не столько пищу и вещи, сколько удовольствия, которые содержатся в этих вещах. Удовольствия для души и для души, для ума и для тела. Одним словом, в современной жизни всегда есть место празднику.

В культуре повседневности улан-удэнцев практически исчезла пропаганда человека

труда вообще и средствами монументальной пропаганды в частности. У нас сегодня нет практически ни одного памятника на производственную тему. Нельзя же всерьез считать таковыми безымянный паровоз у ворот ЛВРЗ или фигуру быка у проходной мясокомбината.

Был, правда, один памятник, который мы привезли в свое время с БАМа. Мне кажется, он был очень уместен рядом с кинотеатром с хорошим названием – «Дружба». БАМ строила вся страна – представители всех республик Советского Союза. Эта была, действительно, стройка дружбы. Сегодня этот монумент увезли куда-то на задворки города, в далекий квартал, и что он там символизирует – не знаю.

В культуре сегодняшнего Улан-Удэ исчезли даже Доски и Галереи Почета. Раньше, как известно, они были на каждом предприятии, в каждом районе Бурятии, была и республиканская Доска Почета. Кому помешали эти объекты морального поощрения тружеников города и деревни? Какой псевдоноватор приказал их убрать? Для меня эти вопросы актуальны еще и потому, что, будучи с нашей делегацией на главном конвейере автоконцерна «Тойота» в японском городе Осака, я увидел прекрасно выполненные Доски Почета с великолепными объемными стереофотографиями передовиков. При этом главный инженер предприятия сказал: «Это мы использовали ваш, советский опыт морального поощрения лучших тружеников». Выходит, японцам наш опыт нужен, а нашим российским дельцам и управленцам – нет, ибо они полагают, что главное поощрение – это деньги. За них можно все купить и все продать, включая духовные ценности и нравственные принципы. Такова обыденная мораль большинства современных менеджеров и правящей элиты в целом. Между тем, российский человек за доброе слово, публично сказанное в его адрес, горы свернет. Таков его менталитет.

Вообще, с памятниками и скульптурами в Улан-Удэ творится что-то непонятное. И дело здесь не в мастерстве наших зодчих – творчество наших скульпторов знают во всем мире. Дело, чаще всего, в привязке этих шедевров к местности в соответствии с принципами природо- и культуросообразности. Что же мы видим сегодня на улицах

нашего города?

А видим мы лишь зоопарк: львы, тигры, медведи, олени, лошади, птицы... Причем ставят эти скульптуры где попало и как попало, не считаясь ни с каким здравым смыслом, а главное – семантикой образов. А все это в обыденном сознании горожанина порождает двусмысленность, множество трактовок художественного смысла этих шедевров.

Например, не могу взять в толк, как это на главной улице нашего сугубо сухопутного города появилась скульптура чаек? Даже дети знают, что чайка – это символ моря, во всяком случае, какого-то присутствия воды. В мэрии мне объяснили – эта скульптура символизирует два любящих сердца. Замечательно! Кто же против? Ну, так и сделайте для этих чаек небольшой фонтан, а вокруг поставьте скамейки для любящих сердец или перенесите этот символ на набережную Селенги, поближе к водной глади...

Памятник легендам балетного искусства Бурятии Ларисе Сахьяновой и Петру Абашееву долгое время стоял в кустах акации близ оперного театра, не видимый никем и, более того, спрятанный от посторонних глаз каким-то киоском. Слава богу, сейчас дело поправили, и мы любуемся этой блестящей парой в самом центре города.

Великолепный по замыслу и исполнению памятник «Мать-Бурятия» простоял многие годы на задах оперного театра, приветствуя разве что бомжей из глубокого оврага. Хорошо, что сегодня этот монумент встречает, как и подобает Матери, гостей нашего города. В конце ул. Терешковой установили группу коней с символическим названием «Стихия». Ну, а раз стихия, то лошади здесь скачут куда попало – на восток, на юг, на запад. Что характерно, ни одна из лошадей не скачет на север. Да и что там делать? Тундра и Ледовитый океан... Нет, кони устремлены на восток, юг и запад! Это что, намек на неопределенность наших ориентаций или на неуправляемость республики, анархию, «гуляй-поле», что ли? Как это все понимать? Мне представляется, что этот памятник нецелесообразно ставить даже на ипподроме – там все-таки жокеи весьма профессионально управляют своими лошадками.

Кстати, наш народ, культура его повседневности мгновенно реагирует на такие

вещи. Ехал как-то в маршрутке мимо этого шедевра и услышал, как одна девушка по сотовому телефону сказала своему собеседнику: «Встретимся у бешеных коней...».

Я не знаю, что символизирует огромный орел у выезда с проспекта Автомобилистов, но, думаю, что-нибудь мощное, гордое, хорошее. Но вот голые балки вокруг его фигуры явно символизируют недостроенное гнездо. То ли материала у орла не хватило, то ли желание обустроить свое гнездо пропало. Понятно, что без этих балок птица рухнет под напором наших ветров, но ведь их можно как-то задекорировать...

Отдельная тема культуры повседневности жителей Улан-Удэ – это смещение активности горожан со светлого времени суток на *ночь*. И это тоже тенденция нашего времени.

Ночь для человека, живущего сегодня в большом городе, – время-отдушина. Работа осталась позади. Ты никому ничего не должен – ни начальству, ни подчиненным. Наконец-то можно вести «нормальный» образ жизни: угождать своему желудку, болтать, смотреть телевизор, читать книги перед сном, изредка ходить в театры и кино. Правда, таких людей становится все меньше и меньше. Что-то перестало устраивать людей в традициях города, они ищут чего-то другого, необычного.

Когда-то фольклор, литература, а за ними и кинематограф вывели на сцену оборотней – человека-волка, человека-медведя, которые начинали свою истинную жизнь только с наступлением темноты. Они сбрасывали с себя все человеческое, даже кожу, обрастали шерстью, у них появлялись рога, копыта и клыки... Кажется, что эти гибриды – лишь плоды авторского воображения. Но разве не напоминает уличная жизнь современного мегаполиса ночной водопой в жарких странах?

Когда смеркается, люди современного города словно выходят на охоту. Ночную охоту... за развлечениями. И весь организм города работает только на них. И наш современник может взять у города все или почти все. Может встречаться с друзьями, ходить на вечеринки – или, как их сегодня называют, тусовки, выпивать, заводить новые знакомства, ходить в кино, а главное – двигаться. Это время напряженной работы: «С кем еще не встречался? Где еще не был? Что еще не испытал? Чего еще не попробовал?»

Наш Улан-Удэ, как и любой другой современный город, вываливает каждый вечер на прилавки всю роскошь становящихся все более разнообразными развлечений, разбирая их то там, то сям по всем зонам своего

пространства. Выбери! Игра света, дурманящие запахи, смех, бурные разговоры... Я уже давно заметил, что мои земляки уландэнцы говорят значительно громче – ночью. Они как будто соревнуются, кто кого перекричит. Это и есть общение, подчас все невозможное днем.

Я живу на улице Ключевской, и окна моей квартиры выходят на уличную магистраль. Какие увлекательные состязания шумных байкеров, стремящихся заполнить ночную тишину грохотом мотоциклетных двигателей, можно было увидеть! А обычные машины, мчащиеся по темным ночным улицам и проспектам на бешеной скорости – ведь милиции на дорогах почти нет! Складывается впечатление, что наш город не только совсем не спит, он бежит ото сна, несмотря на все медицинские рекомендации об обязательном ежедневном восьмичасовом сне.

Так было в нашем городе еще совсем недавно. Сегодня ночной город залит светом. Правда, это по своей природе совсем другой свет.

Город громко отмечает как начало ночи, так и ее конец. В начале ночи гремят петарды салютов, хотя никаких праздников нет. Наверное, это просто ритуальное приветствие ночи. А часа в 4 утра вас наверняка разбудит задорным и громким смехом с визгом очередная группа девушек, возвращающихся с какой-нибудь дискотеки, натанцевавшись до упада.

Танец сегодня вообще становится метафорой неопишуемой радости. Танцует молодежь на дискотеках: полуодетые девушки танцуют, любуясь своим бельем, танцуют пенсионеры после застолья, танцуют прохожие на улицах и ученики на уроках, потому что у них – «Фиеста». Многие компоненты ночных культов, такие, как пиршества, обильные возлияния, танцы, блуд, когда-то являли собой неистовую, но вполне осознанную попытку освобождения от оков аскетической морали. Не продолжаем ли мы сегодня эту традицию?

Ночь без тьмы постепенно забирает и наш город в свои руки. Это время вашего выбора – будете вы зрителем или действующим субъектом, что вы выберете, очарует вас ночь или доведет до безумия. Современный город как бы предлагает: хотите собираться – собирайтесь хоть где, это ваши проблемы. Но я, город Улан-Удэ, могу предложить ночные клубы на все вкусы, ночные кинотеатры, ночные дискотеки, ночные рестораны, на худой конец, ночные компьютерные клубы. У нас даже проведение ночей

в музеях и библиотеках уже не диковинка, а обыденная практика. Зачем идти домой? Столько интересного вокруг! Подключайся! Так ночь из времени покоя превратилась сегодня в свою противоположность.

В нашей стране, как ни странно, одними из первых это почувствовали школьники. Раздача аттестатов издавна сопровождалась актом проведения ночи на улице. Получив первый важный документ в своей жизни, после обычного концерта и танцев бывшие школьники из школ нашего города идут гулять по уже опустевшим улицам и площадям. Раньше они на некоторое время как бы захватывали город, но сегодня выпускники школ лишь в числе многих других людей.

Ночь постепенно пришла в наш город как общецивилизационный праздник, недаром же бразильские ночные карнавалы стали шоу с мировой известностью. И по плотности событий, я бы сказал, ночь уже давно дышит в затылок дню. Раньше тьму использовали только разбойники и бандиты и, естественно, те, кто их ловил, не считая «ночных бабочек» и их клиентуры. Но это были лишь малые группы общества. Сейчас же налицо отчетливая тенденция втянуть в ночь всех. Современный город изменил свою палитру, она перестала быть темной. Поэтому и грабить стали чаще днем – ночью слишком много света и свидетелей...

Однако с культурологической точки зрения все это не является инновацией, ибо заложено в традиционной культуре повседневности нашего народа. Достаточно вспомнить, что поиск жениха и невесты, брачные постели, полночные гадания, наконец, даже русский народный сельскохозяйственный календарь – все это в конце концов связано с тьмой. Сеять и сажать нужно было в полнолуние, тогда же полагалось квасить и солить, а убирать урожай – в пору убывающей «стареющей» Луны. В определенные ее фазы можно было рубить лес, чтобы дом простоял долго.

Какой же вывод можно сделать из всего вышесказанного? Он будет кратким: культура повседневности жителей города Улан-Удэ за прошедшие несколько десятилетий

изменилась радикально. Ничего трагического в этом нет. Вопреки мнению наших бабушек, сидящих на лавочке у подъезда и обсуждающих наряды современной молодежи, говоря: «Как низко упала культура...», мы скажем, что культура никуда не падает, уж тем более не умирает. Она лишь видоизменяется по формам, правда, не всегда в лучшую сторону. Но так было и так будет всегда. Важно только правильно понимать диалектический смысл японской поговорки, взятой мною в качестве эпиграфа этой статьи: «И в каплях слез улыбается солнце». А вот главный редактор «Художественного журнала» Виктор Мизиано, наоборот, обнаруживает метафизическое понимание этой проблемы, утверждая, что «мир искусств как мир развлечений закончился. Это был вирус 90-х годов» [7].

А может, все только начинается?

Литература

1. Стэнфордский университет продаст имущества на миллиард долларов [Электронный ресурс] // Коран (Л.Стендфордский ун-т, США); Х.Диттмар, (Сассекский ун-т, Англия), Г.Вильсон (Британский ин-т психиатрии США). URL. www.2uk.ru/scopping/shop 17. (дата обращения: 20.05.2013).
2. Ляпоров В. Бренддинг по-русски. Ст. 3. Идея фикс // Русский предприниматель. 2004. № 10. С.12.
3. Николаева Е.В. Человек Потребляющий: Культурологические аспекты антропологии ТВ-рекламы // Наука и образование. Новые технологии: сб. науч. тр. М., 2002. Вып. 2. Экономика и технологии. С.3-4.
4. Николаева Е.В. Время развлечений. СПб., 2006. С. 335.
5. Женщины испытывают сладкие грезы ... // Моя семья. 2012. 26 авг. С. 5.
6. Кларк Д. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3-4. С. 1-30.
7. Со-Общение: общественно-политический журн. 2004. № 12. С. 14.